

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО: ЛИК ВОЙНЫ

CULTURE AND SOCIETY: THE FACE OF WAR

Научная статья

УДК 355.013

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-9-19

Причины массового обоюдного насилия: структурирование концепций и субъективные факторы преднамеренных войн

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный
технический университет, г. Новосибирск, Россия
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>*

Критически рассмотрены два определения войны из многих десятков: одно классическое и одно современное. Показано, что выделенные в них признаки не являются необходимыми и достаточными. Эти недостатки проработаны в предложенном ранее определении войны как продолжающегося массового обоюдного вооружённого организованного насилия. Широкий круг исследований природы и причин войн характеризуется разнородностью подходов, понятий, теорий и уровней анализа. Рассмотрены способы структурирования концепций в обзорах последних лет и предложена следующая упрощённая структура: уровень актора (субъектность в ментальных порядках) с процессами принятия решений, приводящих к войнам, уровень взаимодействий между акторами (социальная динамика) с диадными или многоакторными отношениями, уровень динамики и коэволюции порядков как охватывающий контекст роли войн в мировой истории. В данной статье внимание уделено только первому уровню анализа. Сделана попытка представить вопросы, поставленные современными учёными, разнородные идеи, гипотезы, модели в едином концептуальном аппарате, включающем такие понятия, как заботы, вызовы-угрозы и вызовы-возможности, установки и интерактивные ритуалы. Исследователи усматривают причины войны в ложном оптимизме, несдерживаемых интересах (unchecked interests), неосязаемых стимулах (intangible incentives), неопределённости, проблемах с обязательствами, заблуждениях. Большое внимание уделяется роли идеологий в плане готовности начать войну и мобилизовать силы для её ведения. Используется различие быстрого и медленного мышления акторов. Анализируются искажения в принятии решений, связанных с рисками. К субъективным факторам, значимым для формирования решимости воевать, относятся такие разнородные, но связанные между собой слои реальности, как гормональный фон организма, структуры бессознательного и ритуальные практики социальной организации.

Ключевые слова: определение войны, природа войн, причины войн, решимость воевать, преднамеренные войны, быстрое и медленное мышление, безопасность

Original article

Causes of Mass Mutual Violence: Structuring Concepts and Subjective Factors of Deliberate Wars

Nikolai S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>*

Two definitions of war are critically examined: one classical and one modern. We show that the features emphasized in them are not necessary and sufficient. These shortcomings have been overcome in the previously proposed definition of war as ongoing mass mutual armed organized violence. A wide range of studies of the nature and causes of wars is characterized by heterogeneity of approaches, concepts, theories and levels of analysis. The ways of structuring concepts in reviews of recent years have been considered and the following simplified structure has been proposed: the actor level (subjectivity in mental orders) with decision-making processes leading to wars, the level of interactions between actors (social dynamics) with dyadic or multi-actor relations, the level of dynamics and co-evolution of orders as the encompassing context of the role of wars in world history. This article focuses only on the first level of analysis. The questions posed by contemporary scholars, relevant ideas, hypotheses, and concepts are discussed. In particular, researchers see the causes of war in false optimism in unchecked interests, in intangible incentives, in uncertainty, in commitment problems, in delusions. Much attention is paid to the role of ideologies in the readiness to go to war and mobilize forces to wage war. The distinction between fast and slow thinking of actors is used. Distortions in risk-related decision making are analyzed. Subjective factors relevant to the formation of the determination to go to war include such heterogeneous but interrelated layers of reality as hormonal background, structures of the unconscious, and ritual practices of social organization. An attempt is made to present all these very heterogeneous ideas and models in a single conceptual apparatus, including such concepts as concerns, challenges-threats and challenges-opportunities, attitudes and interactive rituals.

Keywords: definition of war, nature of wars, causes of wars, determination to fight, deliberate wars, fast and slow thinking, security

Введение. *Определение войны: необходимые и достаточные признаки.* Существует несколько десятков наиболее осмысленных и довольно близких друг к другу определений. Для сравнения рассмотрим среди них только два. Первое принадлежит классику мировой антропологии Брониславу Малиновскому. «Война может быть определена только как вооруженное противостояние между двумя независимыми политическими единицами, осуществляемое с помощью организованной военной силы в целях проведения племенной или национальной политики. Это определение проводит четкое различие между настоящей войной – политической, организованной – и другими видами боевых действий, не имеющих отношения к политике или истории» [1, р. 277]. В книге о природе и причинах войны Джек Леви и Уильям Томпсон критикуют данную дефиницию Малиновского. Они указывают, что войну следует определять по признакам поведения двух противоборствующих организаций вне зависимости от мотивации, которая привела к насилию. Они пишут о существовании войн, которые не обусловлены четким пониманием политических интере-

сов организации, а вместо этого обусловлены личными или внутривнутриполитическими интересами, мятежом какого-то военачальника [2, р. 10].

Более широкое определение войны дают Леви и Томпсон «устойчивое, скоординированное насилие между политическими организациями (sustained, coordinated violence between political organizations) [Там же, р. 5]. Упор на организации можно только приветствовать. Также авторы поясняют, что предлог «между» означает у них «обоюдность» [Там же, р. 6]. И всё же предложенных признаков недостаточно. Кроме того, не все они необходимы.

По Леви и Томпсону «войной» можно называть продолжающиеся схватки между мафиозными кланами, между отрядами полевых командиров, даже между дворовыми бандами, поскольку в каждом случае присутствуют отношения власти и борьбы за власть, а значит политика, тогда как остальные признаки – насилие, повторяемость (не разовые схватки, а серии), координация, наличие организаций (с позициями и обязанностями) – присутствуют во всех случаях. Войны обычно так и понимаются: в них

всегда присутствуют массовость участия, вооружённость, множественные убийства и тяжёлые травмы, существенные разрушения. Кроме того, крупные коалиции государств, такие как в Тридцатилетней войне, Семилетней войне, в двух мировых войнах, вряд ли правильно называть «политическими организациями». Таким образом, данное уточнение излишнее.

Предложенное автором определение войны как явления представляется вполне адекватным: *продолжающееся массовое обоюдное вооруженное организованное насилие (ряд боев) с убийствами и/или разрушениями жизненно важных объектов* [3]. В этом определении «обоюдность» массового организованного насилия подразумевает две или более стороны противостояния, и этого вполне достаточно.

Разнородность теорий и уровни анализа. Вряд ли вообще возможен полный обзор множасьих идей и моделей причинных факторов и механизмов развязывания войн. Есть толковые пересказы основных концепций в различных работах [4–8]. Вдумчивый анализ лучших современных теорий причин войн содержится в книге Леви и Томпсона, поскольку сами они ведут собственные оригинальные исследования [2]. Авторы указывают на большие трудности проблематики, на причины изобилия и пестроты концепций, обуславливающих неспособность учёных достичь согласия и установить общепринятые истины. «Отсутствие консенсуса учёных относительно причин войны и относительной важности различных уровней анализа является результатом нескольких факторов. К ним относятся огромная сложность явления, которое мы пытаемся проанализировать, различные теоретические вопросы, которые задают учёные, различные типы войн, которые они хотят объяснить, различные теоретические предубеждения и методологические предпочтения, которые определяют их исследования, и часто скрытые предположения в их подходах к изучению войны» [Там же, р. 208].

При этом Леви и Томпсон формулируют свою задачу синтеза таким образом: «...Как именно переменные из разных уровней анализа (или с одного и того же уровня, если на то пошло) сочетаются для увеличения вероятности войны или содействия миру» [Там же, р. 212]. Более полный обзор современных концепций войны представлен в

книге Грега Кэшмана «*Что приводит к войне? Введение в теории международного конфликта*», насыщенной историческими примерами [9]. Он также указывает на отсутствие консенсуса, попытки интеграции, при безнадёжности поиска какого-то единого фактора, приводящего к войнам: «Важные причинные факторы обнаруживаются на разных уровнях анализа. Происходит не только процесс отсеивания, но и процесс межуровневой интеграции, когда исследователи находят важные связи между уровнями анализа [...] «Единой «главной теории», способной объяснить межгосударственную войну, на данный момент не существует. Усилия учёных показали, что не существует единого причинного фактора, который бы в подавляющем большинстве случаев отвечал за межгосударственную войну» [Там же, р. 478].

Методология исследования. *Задача данной статьи* состоит не в пересказе десятков разнородных моделей, а в том, чтобы увязать наиболее конструктивные и обоснованные идеи в единую понятийную конструкцию, используя разработанную онтологию и соответствующий понятийный аппарат. Вместе с тем, выбранные идеи и концепции следует каким-то образом структурировать. Есть множество традиционных и формальных оснований для типологизации. Авторы двух указанных книг структурируют концепции природы и причин войн, разделяя их по социальным масштабам:

- *система международных отношений*;
- *диадные концепции* (применение теории игр, теория переговоров, теория сдерживания, теория шагов к войне, теория спиральной эскалации и др.);
- *концепции на уровне государств* (национализм, революции, демократичность, поиск «козла отпущения»);
- *социетальные модели* (роль правящих групп, бюрократий, военных, промышленных и иных элит, организационный процесс, групповое мышление);
- *индивидуальный уровень анализа* (психологические концепции эмоции, личности, убеждений, когнитивные теории выбора, расчёта рисков, принятия решений, роль заблуждений и предвзятости и пр.).

Отдельно рассматриваются эмпирические исследования, обычно охватывающие несколько уровней и концепции конструктивистского типа.

Упростим состав основных рубрик таким образом.

1. *Уровень актора* (субъектность в ментальных порядках); здесь составляют контекст психология и когнитивность индивидов, групповые и организационные механизмы, институциональные правила и ограничения; на этом уровне будем учитывать процессы принятия решений, приводящих к войнам.

2. *Уровень взаимодействий между акторами* (социальная динамика): контекст составляют система международных отношений, потенциальные союзники каждой стороны, изменения во внешних факторах, вызванные с действиями сторон; на этом уровне значимы следующие аспекты:

- диадные отношения и процессы как обмена вызовами и ответами;
- многоакторные отношения и процессы, способы моделирования;
- трактовка конфликтов, противоречий интересов, соперничества, вражды и агрессии.

3. *Аспекты динамики и коэволюции порядков* как охватывающий контекст, *роль войн в мировой истории*.

Предложив такой подход к структурированию концепций, следует обосновать выпадение важнейших масштабов, учтённых в обзорах Леви, Томпсона и Кэшмана. Сама по себе система международных отношений не способна начать войну, она лишь устанавливает условия, рамки, возможности, форматирует стимулы и угрозы для акторов, принимающих решения о войне.

На другом полюсе, решение индивида, например, полновесного диктатора, действительно бывает значимым фактором начала войны, но это решение будет выполняться только при подчинении ему глав силовых ведомств.

Промежуточные уровни – государственный и социетальный – являются другими вариациями *терминального актора*, принимающего решения о войне, которое никто не способен оспорить. Объективные и субъективные характеристики государств, элит, институтов, населения составляют обстоятельства, контекст этих решений.

Наконец, конструктивистские и подобные идеи трактуются как усложняющие особенности субъективного характера и когнитивного аспекта поведения терминальных акторов.

Результаты исследования и их обсуждение. *Преднамеренные войны.* Такие войны обычно являются *ответами* на *вызовы-возможности*: перспективы приобретения территорий, особенно с ценным сырьем или с перспективными рынками, геопозиционных преимуществ, утверждения могущества и престижа. Войны этого типа происходят при отсутствии сдерживающих факторов, таких как внутренняя оппозиция, вероятный отпор со стороны жертвы нападения, создание сильной враждебной коалиции.

Стефан Ван Евера в книге «*Причины войны: могущество и корни конфликта*» формулирует и подтверждает примерами две сходные гипотезы: «Война становится более вероятной, когда государства поддаются ложному оптимизму в отношении её исхода»; «Война более вероятна, когда завоевание легко» [10, р. 4].

Фактически, в первой гипотезе имеется в виду субъективная (и здесь ложная) «лёгкость» успеха начатой войны. «Войн было бы меньше, если бы проигравшие могли предвидеть свое поражение, и если бы обе стороны могли предвидеть затраты на ведение боевых действий. Если бы у правительств были хрустальные шары, предсказывающие будущее, то они вели бы только те войны, которые улучшали бы их положение. Поскольку лишь немногие войны улучшают положение обеих сторон, войн было бы мало. Будущие проигравшие соглашались бы на условия будущего победителя, и все [мирно] улаживали бы свои дела, чтобы избежать дорогостоящих войн. Таким образом, первопричина войны связана с непрозрачностью будущего и оптимистическими иллюзиями, которые эта непрозрачность допускает. Эти иллюзии заставляют государства воевать в ложной надежде на победу или ради пирровых побед» [Там же, р. 14].

Требуется обсуждения следующий слой причин: почему завоевание оказывается лёгким (когда такое случается в реальности) и почему возникает ложный оптимизм? Для ответа на первый вопрос следует учитывать соотношение могущества, ресурсов, преимущества первого удара, окна возможностей – эти факторы Ван Евера также обсуждает в своей книге. Для ответа на второй вопрос следует выяснить причины заблуждений, неверного восприятия соотношения сил и возможных рисков.

Джон Орм в книге «Человеческая природа и причины войны» на основе детального анализа 23-х крупных наступательных войн XVII–XX вв. опровергает положения неореализма о том, что главной мотивацией правителей и держав является их собственная безопасность. Он показывает, что даже в наиболее близких к этим представлениям войнах стимулы вступления в полномасштабные противостояния были совсем иными.

«Война Аугсбургской лиги и вступление Китая в Корейскую войну – это два действия, которые наиболее близко соответствуют ожиданиям неореализма. Но даже в этих случаях объяснение на основе спиральной модели не совсем подходит. Мао Цзэдун поддержал нападение своего союзника на Южную Корею, несмотря на риск распространения войны на Китай, а затем настоял на интервенции в Корею, когда в результате его предыдущего решения войска США приблизились к границе Китая. Людовик XIV разозлил своих союзников вторжением в Нидерланды, а затем опустошил Рейнскую область, чтобы защитить Францию от гипотетической австрийской угрозы. Если безопасность была их главной целью, то почему Людовик и Мао начали войну и, вызвав враждебность других, отвергли менее затратные варианты сдерживания, обороны или уступок? Очевидный ответ заключается в том, что в любой момент времени они выбирали ту политику, которая в наибольшей степени удовлетворяла их стремлению к власти и славе. Мао надеялся укрепить свою власть, продвинуть свое дело и завоевать признание. Людовик XIV всегда склонялся к действию [...] Государственные деятели затевали войну не только для укрепления своей безопасности, но и для достижения славы, сохранения чести, удержания, утверждения или увеличения своей власти. Международное положение позволяло им это делать, но в большинстве случаев не принуждало. Основной причиной войны является не анархия, а человек» [11, p. 281].

Кристофер Блаттман в недавней книге «Почему мы воюем: корни войны и пути к миру» [12] пишет о пяти группах причин, приводящих к войнам вместо «мирного деления пирога»:

- 1) несдерживаемые интересы (*unchecked interests*);
- 2) неосязаемые стимулы (*intangible incentives*);

3) неопределенность (*uncertainty*);

4) проблема с обязательствами (*commitment problem*);

5) заблуждения, неверные представления (*misperceptions*)¹.

Когда К. Блаттман пишет о несдерживаемых интересах правителей и элит как о первом типе причин войн среди пяти основных, то речь идет как раз о преднамеренных войнах. Отметим, что привычный, хотя и довольно смутный термин «сдержки и противовесы» гораздо яснее эксплицируется понятием «уровень коллегиального разделения власти», которое Р. Коллинз считает главным критерием демократичности политической системы [13, с. 201–206].

В этом плане «теория демократического мира» с тезисом «демократии не воюют друг с другом» (по крайней мере, гораздо реже, чем авторитарные режимы) получает естественное теоретическое объяснение. Множественность центров силы и политического влияния при высоком уровне коллегиального разделения власти (читай: высокой демократичности) ограничивает интересы правителей и элит, побуждающие их начать войну, особенно против сходного по своему устройству государства.

В преднамеренных войнах, когда одна сторона верно или ошибочно считает себя намного сильнее и не видит каких-либо политических, правовых, моральных препятствий для нападения, достаточно учитывать только решения терминального актора этой стороны. Они обычно принимаются в результате более или менее «медленного

¹ «Каждая из этих пяти причин по-своему прерывает мирное деление пирога. Они ослабляют некоторые упрощающие предположения и реалистские принципы и показывают, какие из них наиболее важны для мира. Несдерживаемые интересы, например, указывают на значимость внутренней политики группы, особенно частого стремления правителей к богатству и славе вопреки интересам своего общества. Неосязаемые стимулы (или символические интересы – Н. Р.) допускают возможность того, что общество обладает другими ценностями и идеалами, не относящимися к материальному пирогу, и что достижение их может компенсировать издержки войны. Неопределенность устраняет предположение о том, что обе стороны видят одну и ту же информацию и понимают возможности соперника по переговорам. Проблемы с обязательствами приводят к изменениям во власти с течением времени, а также к ограничениям на то, сколько одна сторона может достоверно отдать другой для сохранения мира. Наконец, с помощью заблуждений мы осознаем, что те, кто делит пирог, не являются хладнокровными компьютерами. Мы неправильно оцениваем себя и своих противников, и это приводит нас к предсказуемым ошибкам» [12, ch. 1].

мышления» по Канеману (см. ниже), с расчётами, хоть и необязательно правильными.

Преднамеренные войны были рутиной геополитических взаимодействий, когда наступательные военные доктрины и технологии преобладали над оборонительными [10]. Войны шли преимущественно за земли, поскольку территория – это ресурс, дающий доступ ко множеству других ресурсов.

«Война более вероятна, когда ресурсы имеют кумулятивный характер, т. е. когда контроль над ресурсами позволяет государству защитить или приобрести другие ресурсы» [Там же, р. 4].

Стивен Лебланк в статье «Почему война? Уроки из прошлого», проведя обширные исследования войн далеко за пределами привычных последних веков Европы и Северной Америки, утверждает, что в большинстве случаев войны имели вполне рациональные ресурсные причины, были тесно связаны с климатическими изменениями, периодами перенаселения [14]. При этом повсеместно войны институционализировались: победы и победители прославлялись, местные истории были фокусированы на войнах, элиты и массы имели привычных, ожидаемых врагов и образцы доблестного поведения. Таким образом, сама институционализация долгое время оставалась базовым фактором (пусть не единственным и не достаточным) для возобновления войн.

Таким образом, и здесь важными причинами войн оказываются *заботы, связанные с восполнением недостающих ресурсов*, получения доступа к особо ценным, ставшим дефицитными ресурсам, а также *заботы обретения, поддержания славы, чести, авторитета, репутации* как главных факторов легитимности власти.

Быстрое и медленное мышление акторов, принимающих решения. Работа мышления актора, в том числе по выработке и принятию решений, всегда подвержена действию его установок [15]. Достижения когнитивных наук последних десятилетий, удачно обобщенные Кэшманом, указывают именно на подчинённость нашего мышления *установкам*, причем далеко не всегда осознанным: «Мы склонны к когнитивным согласованности и постоянству; мы сопротивляемся несовместимым представлениями и стараемся сохранить наши текущие убеждения и представления, препятствуя их существенным изменениям [...] Образы и убеждения,

которые мы храним в своем сознании, как правило, организованы и внутренне структурированы вокруг определенных сильных центральных убеждений. Образы и убеждения не обязательно соответствуют реальности; наше восприятие мира подвержено предвзятости. Вопрос заключается лишь в том, насколько точно наши представления отражают реальный мир» [9, р. 66].

Следует учитывать разделение процессов принятия решений на две системы мышления по Даниэлю Канеману [16]. При стрессе и больших угрозах преимущество получает *1-й тип – «быстрое мышление»*: импульсивное, реактивное, не знающее сомнений, лишённое произвольного контроля, включенное в непосредственное восприятие с сильными эмоциями, склонностями, подверженное эффекту ореола (*halo effect*), автоматически создающее образ по ассоциативной памяти, по аналогии, пренебрегающее количественными и качественными данными, любой скрытой информацией («что ты видишь, то и существует»).

Рациональному поведению соответствует *2-й тип – «медленное мышление»*: осознанное, требующее больших усилий, сомневающееся, способное решать сложные задачи, проводить анализ, сравнения, вычисления, использующее долговременную память, записи, разнообразные данные, скрытые, труднодоступные сведения [Там же, р. 67].

Установки действуют в обоих режимах, но существенно разные. При стрессе, дефиците времени для принятия решения и включении «быстрого мышления» действуют преимущественно простейшие схемы реакций, ранее оправдавшие себя стереотипы, а также фреймы, образцы поведения, более всего связанные с эмоциями страха и гнева.

Сложные усилия по поиску и сопоставлению информации, взвешиванию вариантов, оцениванию вероятностей и т. п., характерные для «медленного мышления» предпринимаются в спокойной обстановке, когда есть возможности осуществлять соответствующие обсуждения, процедуры и регламенты вспомогательных действий.

Учтём также другое разделение типов ситуаций, когда принимаются решения в сфере войны и мира. Наряду с простыми обстоятельствами, когда определённый *ответ на вызов* однозначен, поскольку все

установки «работают» в одном направлении, есть ситуации предельно неоднозначные с крайне трудным выбором между двумя или более вариантами действий. В случаях второго типа *мотивационные и когнитивные установки*, образцы «правильных» решений вступают в конфликт друг с другом.

В отличие от идеализированной упрощённой модели рационального выбора, в реальных ситуациях обычно невозможно предсказать, какой комплекс установок окажется сильнее, в том числе потому, что в таких ситуациях неустойчивого равновесия самые малые привходящие факторы или возмущения способны сыграть роковую роль, после пересечения этого «Рубикона» [9, р. 97–98] дальнейшие действия и решения уже устремляются в выбранном направлении – в «колее» или «воронке».

Роль идеологий. Если в классических теориях причин и факторов войн, преимущественно реалистского толка, аспектом идеологий зачастую пренебрегали, фокусируя внимание на соотношении могущества, интересах господства и безопасности, то в последние годы исследователи больше учитывают связь идеологий с готовностью начать войну и мобилизовать силы для её ведения. Такие авторы, как Джонатан Лидер-Майнард, используют результаты современных социально-психологических исследований о связи между идеями и поведением.

«Идеологические обязательства не обязательно должны быть первичными мотивами конфликтного поведения – они могут, например, включать в себя убеждения по поводу фактов или легитимирующие рамки для определённых действий, которые все равно определяют процесс принятия решений [...] Однако искренние идеологические установки получают внутренний резонанс у индивидов и, следовательно, оказывают непосредственное влияние на процессы восприятия и принятия решений» [17, р. 640].

Также вполне правомерно указание на «структурную» роль идеологий, под которой понимается пронизанность институтов, организаций, правил поведения в них идеологически обусловленными ценностями и принципами. «На выбор индивида влияют не только его собственные искренние идеологические убеждения, но и его представления об идеологическом характере социального окружения. Доминирующие в группах, организациях и обществах идеологии,

проявляющиеся в политических нормах, политических парадигмах и институтах, оказывают социальное влияние на индивидов, создавая структурные возможности, ограничения и стимулы, побуждающие их следовать идеологии независимо от их собственных взглядов» [Там же, р. 641].

Таким образом, идеологии представлены и в психике индивидов в качестве когнитивных установок, (фреймов), символических установок (святынь, ценностей, принципов), и в социальных порядках, которые ограничивают и направляют поведение своих участников. Если идеологии, особенно религиозные, имперские, националистические и социально-политические, терминального актора, подчиненных ему организаций, потенциально мобилизуемых масс включают представления о необходимости силой утверждать соответствующие святыни, то вкупе с другими факторами они становятся полноценными причинами войн.

Искажения в принятии решений, связанных с рисками. Когнитивные искажения в мышлении акторов, принимающих решения, как факторы возникновения войн, изучались ещё в последней четверти прошлого века. Наиболее известна книга Роберта Джервиса «*Восприятие и неверное восприятие в международной политике*» о военных конфликтах как следствиях неправильной интерпретации акторами намерений их предполагаемых противников [18]. Согласно Джервису, «Мы склонны преувеличивать вероятность того, что действия других людей обусловлены нашими собственными предыдущими действиями и поведением. И мы также склонны переоценивать степень, в которой мы являемся объектом действий других людей» [9, р. 68].

В когнитивных науках и поведенческой экономике выявлены закономерности, склонности выбора в ситуациях угроз и рисков, которые оказываются значимыми и в решениях относительно войны и мира: «...люди так стремятся избежать определенных потерь, или «мертвых потерь», что идут на огромный риск, который часто приводит к еще большим потерям, даже если ожидаемая ценность азартной игры может считаться хуже, чем ценность определенных потерь» [2, р. 150]. «Наше отношение к риску не обязательно является сбалансированным или нейтральным; оно смещено в сторону неприятия риска» [9, р. 66].

Иными словами, при серьезном *вызо-ве-угрозе* акторы склонны идти на многое, даже на большие новые риски, лишь бы избежать опасно надвигающегося ущерба. Такова суть *теории перспектив*. «Как отмечает Джервис, центральным следствием теории перспектив является большая вероятность войны, когда лица, принимающие решения с каждой стороны, считают, что они защищают *status quo*, и поэтому верят, что понесут значительные потери, если не будут бороться за его защиту. Предполагается, что войны чаще всего мотивируются желанием предотвратить предполагаемые потери, чем достичь будущих выгод. Страх, а не стремление к экспансии, является наиболее значимым мотиватором» [9, p. 79].

Вполне разумно выглядит соответствующее психологическое объяснение начала некоторых войн: «Как и следовало ожидать, люди быстрее приспосабливаются к выигрышам, чем к потерям – это называется эффектом мгновенной отдачи. С другой стороны, лица, принимающие решения, вряд ли смиряются с потерями и, скорее всего, пойдут на риск, чтобы их возместить. Вместо того чтобы «сокращать потери», лидеры постоянно испытывают искушение восстановить понесенные затраты. В качестве примера можно привести французскую и американскую авантюры во Вьетнаме, советскую и американскую авантюры в Афганистане» [Там же, p. 78–79].

Та же мысль выражена на языке *забот и вызовов*. «Сокращать потери» – это забота избежать опасных рисков, сохранить приемлемое *status quo*. «Искушение восстановить понесенные затраты» включает следующие составляющие:

1) болезненные переживания уже понесенных потерь (во влиянии, могуществе, геополитическом престиже, территориях), тем более, когда с ними связаны чувствительные затраты (финансовые, военные жертвы);

2) *вызов-возможность* как открывшаяся перспектива вернуть прошлое привлекательное состояние; именно ради этого идут на новые риски, чреватые новыми затратами и потерями – ввязываются в новую войну.

Всегда ли так происходит? Конечно же, нет, иначе войны происходили бы гораздо чаще. Значит, требуются дополнительные условия, чтобы сила возбуждающих факторов 1+2 превзошла силу консервативного

фактора «сокращать потери, избегать рисков». На поверхности таковыми условиями являются субъективное преимущество в военной силе, сверхценность «величия» как гипертрофированная боязнь утратить геополитический престиж, полная уверенность, что противника не поддержат сильные державы.

Судя по всему, войны, направленные на «восстановление затрат», начатые за последние 100 лет, прежде всего, Германией, СССР-Россией, Францией, США, Великобританией, удовлетворяют этим признакам. По этой причине в исследовании поставлена одна из задач: рассмотреть контрпримеры.

Среди подобных войн отмечены:

а) немало кратких успешных (особенно для США, Израиля, Великобритании, СССР-России);

б) затяжные, кровопролитные, провальные для инициаторов (Вторая мировая, Вьетнамская, войны в Афганистане);

в) с патовым итогом (Советско-Финская, Корейская, Ирано-Иракская, Турция в Кипрском конфликте);

г) провальные кампании с полным отказом от претензий (США-Куба, Франция-Алжир).

Гормоны, бессознательное и социальная организация. Терминальные решения правителей, лидеров (реже коллегиальных органов, неформальных авторитетных групп) о вооруженном нападении или вооруженной обороне необходимы, чтобы война началась, но не достаточны. Воевать будут все военные, но пойдут в бой и понесут наибольшие потери не генералы, высшие офицеры и сотрудники штабов, а рядовые, сержанты и младшие офицеры.

В работе [3] аргументирована значимость *решимости воевать*, а значит, убивать, идти на риск быть убитым или искалеченным. Именно эта решимость как психическое состояние напрямую связана, не только с нейронными, мозговыми процессами, но и с гормональными состояниями. Эти психофизиологические изменения должны быть вызваны, прежде всего, у солдат и их непосредственных начальников, чья решимость призвана преодолеть барьер страха и барьер убийства себе подобных.

О гормонах, бессознательном и их связи с социальной организацией пишет Майк Мартин в книге «*Почему мы воюем*» [19]. Он служил в Британской армии в Афганистане,

затем работал в качестве эксперта на войне в Сирии и в других «горячих точках». Мартин убедительно показывает, что главенствующую роль в решимости воевать играют бессознательные процессы, причём для солдат важнее всего включенность в сообщество, социальное принятие, а для начальников, лидеров – статус и престиж. За первое отвечает окситоцин, снижающий тревогу и страх, повышающий доверие к своим, чувство спокойствия рядом с ними. Настрой на достижение статуса и престижа ожидаемо связан с тестостероном.

Мартин отвергает рационалистические объяснения войны и поведения на войне, считая идеологические, религиозные, националистические и подобные резоны поверхностными рационализациями, тогда как главные процессы происходят на уровне бессознательного.

Военная организация с тем или иным успехом обеспечивает требуемые чувства и гормональные изменения у солдат и офицеров. Строевая подготовка, жизнь в казармах, учения, командные задания, внушение значимости «боевого братства», лозунгов «своих не бросаем», презрения к дезертирам – все эти и другие практики имеют характер *интерактивных ритуалов* и направлены на формирование *установок солидарности* [20; 21]. Если они сформировались, то «струсить» и «подвести товарищей» становится гораздо более страшным и неприемлемым, чем рисковать своей жизнью. Возможность отдавать приказы, контролировать поведение подчинённых наказывать, а система наград и поощрений, а также карьерные перспективы – все это формирует установки, заботы, мотивацию офицеров на достижение статуса через свою эффективность, как они её понимают в соответствии с требованиями начальства.

Каждый боевой приказ на фронте явно или неявно отягощён рисками для жизни, а значит, является *вызовом-угрозой*. Задача социальной организации состоит в такой настройке психики военных, чтобы никаких других *ответов на такую угрозу* не было, кроме как готовность подчиниться приказу и выполнить задание, несмотря ни на какие страхи и тревоги.

Неизбежные негативные чувства следуют уравновесить не менее, а лучше – более

сильными чувствами надежды, связанных с долгом, религиозной или гражданской идентичностью, верностью товарищам. Иными словами, решимость идти в бой со смертельным риском должна быть *позитивно подкреплена* [22]. Боевое задание должно иметь смысл не только вызова-угрозы, но и *вызова-возможности*. Как это достигается?

Символы героизма, святости подвигов, прославление выполнивших воинский долг и погибших также формируют, прежде всего, бессознательные структуры, которые при надобности вызывают нужные гормональные всплески и тем самым – решимость и приток *эмоциональной энергии* [20]. Во всех армиях разными, но во многом сходными способами поддерживается готовность военнослужащих вступать в вооружённые столкновения, а значит, и в войны, когда поступит такой приказ.

Заключение. Сам институт воинской службы, ритуальные практики, формируемые *бессознательные установки и заботы*, нейронное и гормональное обеспечение не являются причинами войн, поскольку армии в течение многих лет, даже десятилетий могут не воевать (хотя при отсутствии учений закономерно деградируют). Все указанные структуры и процессы, будучи главными факторами «боевого духа», влияют на успешность военных действий, если война всё-таки разразилась [23–25].

Уровень этого «боевого духа», а также потенциал для доведения решимости воевать до нужной кондиции, – таковы факторы, которые с необходимостью должен учитывать терминальный актор в своём решении начинать войну, обороняться ли, либо идти на переговоры и уступки. Поэтому в качестве обязательного компонента в принятии решений о войне здесь представлены внутренние психофизиологические и внешние социально-организационные механизмы. В концептуальном плане отметим, что этот специфический пласт процессов вполне органично описывается и объясняется посредством единого понятийного аппарата: установки, интерактивные ритуалы, заботы, обеспечивающие структуры, вызовы-угрозы и вызовы-возможности, социальные отношения, практики и порядки.

Список литературы

1. Malinowski B. Freedom and Civilization. London: Routledge, 1947. 338 p.
2. Levy J.S., W. Thompson. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press. 2010. 281 p.
3. Розов Н. С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 29–39.
4. Handbook of war studies / ed. M. I. Midlarski. Boston: Unwin Hyman, 1989. 372 p.
5. Boot M. War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History, 1500 to Today. New York: Gotham, 2006. 340 p.
6. Bourke J. Deep Violence: Military Violence, War Play, and the Social Life of Weapons, Berkley: Counterpoint, 2015. 356 p.
7. Конышев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб.: Наука, 2004. 372 с.
8. Куманьков А. Д. Война в XXI веке. М.: Высшая школа экономики, 2020. 296 с.
9. Cashman G. What causes war? An introduction to theories of international conflict. Maryland: Rowman & Littlefield, 2014. 607 p.
10. Van Evera S. Causes of war: Power and the roots of conflict. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 268 p.
11. Orme J. D. Human Nature and the Causes of War. London: Palgrave Macmillan Cham, 2018. 293 p.
12. Blattman C. Why we fight: the roots of war and the paths to peace. New York: Penguin, 2022. 400 p.
13. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
14. LeBlanc S. A. Why Warfare? Lessons from the Past. Daedalus. 2007. No 136. P. 13–21.
15. Розов Н. С. Модель ритуально-символической детерминации установок, способностей и забот // Учёные записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2, № 1. С. 89–100. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_01_08.
16. Kahneman D. Thinking. Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
17. Leader M. J. Ideology and Armed Conflict // Journal of Peace Research. 2019. No. 56. P. 635–649.
18. Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 696 с.
19. Martin M. Why We Fight. London: Hurst, 2018. 328 p.
20. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. 464 p.
21. Розов Н. С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5. С. 50–67.
22. Скиннер Б. Радикальный бихевиоризм. М.: Еврознак, 2007. 120 с.
23. War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views / ed. D. Fry. Oxford: Oxford University Press, 2013. 584 p.
24. Fiske A., Rai T. Virtuous Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 357 p.
25. Lippard C., Osinsky P., Strauss L. War: Contemporary Perspectives on Armed Conflicts around the World. London: Routledge, 2018. 354 p.

Информация об авторе

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор; Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный технический университет; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; prozov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

Для цитирования

Розов Н. С. Причины массового обоюдного насилия: структурирование концепций и субъективные факторы преднамеренных войн // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 9–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-9-19.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 29.10.2023.

References

1. Malinowski, B. Freedom and Civilization. London: Routledge, 1947. (In Engl.)
2. Levy, J. S., Thompson, W. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press. 2010. (In Engl.)
3. Rozov, N. S. The nature of war: macrosociological analysis of the essence and causes of mass organized violence. Humanitarian Vector, no. 1, pp. 29–39, 2009. (In Rus.)
4. Midlarski, M. I. (ed.) Handbook of war studies. Boston: Unwin Hyman, 1989. (In Engl.)
5. Boot, M. War Made New: Technology, Warfare, and the Course of History, 1500 to Today. New York: Gotham, 2006. (In Engl.)

6. Bourke, J. *Deep Violence: Military Violence, War Play, and the Social Life of Weapons*, Berkley: Counterpoint, 2015. (In Engl.)
7. Konyshov, V. N. *American Neorealism on the Nature of War: Evolution of Political Theory*. Saint Petersburg: Nauka, 2004. (In Rus.)
8. Kuman'kov, A. D. *War in the 21-st century*. Moscow: Higher School of Economics, 2020. (In Rus.)
9. Cashman, G. *What causes war? An introduction to theories of international conflict*. Rowman & Littlefield, 2014. (In Engl.)
10. Van Evera, S. *Causes of war: Power and the roots of conflict*. Ithaca: Cornell University Press, 1999. (In Engl.)
11. Orme, J. D. *Human Nature and the Causes of War*. Springer Nature, Palgrave Macmillan, 2018. (In Engl.)
12. Blattman, Chr. *Why we fight: the roots of war and the paths to peace*. Penguin, 2022. (In Engl.)
13. Collins, R. *Macrohistory. Essays in the Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS, 2015. (In Rus.)
14. LeBlanc, S. A. *Why Warfare? Lessons from the Past*. *Daedalus*, no. 136, pp. 13–21, 2007. (In Engl.)
15. Rozov, N. S. *Model of ritual-symbolic determination of attitudes, abilities, and concerns*. *Scientific notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 89–100, 2022. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_01_08 (In Rus.)
16. Kahneman, D. *Thinking. Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. (In Engl.)
17. Leader Maynard J. *Ideology and Armed Conflict*. *Journal of Peace Research*, no. 56, pp. 635–649, 2019. (In Engl.)
18. Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*. Moscow: Center for Strategy and Technology Analysis, 2022. (In Rus.)
19. Martin, M. *Why We Fight*. London: Hurst. 2018. (In Engl.)
20. Collins, R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. (In Engl.)
21. Rozov, N. S. *Rituals, institutions, and resources: social bases of mentality transformation*. *Values and meanings*, no. 5, pp. 50–67, 2010. (In Rus.)
22. Skinner, B. *Radical behaviorism*. Moscow: Euroznak, 2007. (In Rus.)
23. Fry, D. (ed.), *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013. (In Engl.)
24. Fiske, A., Rai, T. *Virtuous Violence*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. (In Engl.)
25. Lippard, C., Osinsky, P., Strauss, L. *War: Contemporary Perspectives on Armed Conflicts around the World*. London: Routledge. 2018. (In Engl.)

Information about the author

Rozov Nikolay S., Doctor of Philosophy, Professor; Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Technical University; 8 Nikolayeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; nrozov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

For citation

Rozov N. S. *Causes of Mass Mutual Violence: Structuring Concepts and Subjective Factors of Deliberate Wars* // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, no. 4. P. 9–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-9-19.

Received September 28, 2023; approved after reviewing October 28, 2023; accepted for publication October 29, 2023.